

Приложение.

Эпитетъ XIII-ой главы „Капитанской Дочки“.

Комментарій.

1.

Изъ всѣхъ элементовъ стиля эпитетъ разработанъ наиболѣе, и едва-ли не одинъ онъ разработанъ. По крайней мѣрѣ, очень распространена иллюзія, что сущность всего поэтическаго стиля сводится къ одному эпитету. (Напр., Веселовскій, „Изъ исторіи эпитета“, первыя слова). Изслѣдованій объ эпитетѣ множество. И все-же нельзя сказать, чтобы результаты этихъ изслѣдованій были очень опредѣленны и точны, и дали-бы намъ ключъ къ пониманію механизма стиля. Прежде всего, не хватаетъ исчерпывающаго опредѣленія самаго понятія эпитета, при всей его очевидности и общеизвѣстности. Мы знаемъ „рѣдкій эпитетъ“ (*épihété rare*), народный эпитетъ, украшающій, синкретическій, и т. д. Но и лоножи быть увѣреннымъ, что всякое опредѣленіе въ формѣ прилагательнаго будетъ эпитетомъ, и если нѣтъ, то какое именно? Бываютъ-ли эпитеты не-прилагательныя? Есть-ли разница между эпитетомъ въ стихѣ и эпитетомъ въ прозѣ? И т. д., и т. д.

Если въ опредѣленіи эпитета есть несогласія и неувѣренность, то происходитъ это отъ предвзятости, съ к-ой приступали къ изслѣдованію. Сама-же предвзятость зависитъ, какъ отъ неумѣнія словесниковъ относиться критически къ методамъ своихъ изслѣдованій, такъ и отъ кажущейся очевидности понятія эпитета. Это заставило меня въ маломъ размѣрѣ испробовать обратный путь; проанализовать эпиты одной главы (XIII) „Капитанской Дочки“, чтобы 1) найти подтвержденіе методовъ, изложенныхъ мною въ предыдущей ра-

ботъ, и 2) самымъ конкретнымъ и объективнымъ образомъ, шагъ за шагомъ, искать законы эпитета, хотя-бы нѣкоторые, заключенные въ предѣлахъ одной главы.

Что касается произвольности мнѣній, то я считаю достаточнымъ, чтобы ее обнаружить, остановиться на двухъ мнѣніяхъ: Веселовскаго, т. к. оно распространено у насъ, и проф. Meyer'a (Deutsche Stilistik), т. к. оно суммируетъ всѣ наиболѣе авторитетныя.

Уже само понятіе „поэтическаго стиля“ содержитъ въ себѣ нѣчто неточное. Безполезно доказывать поэтичность того или другого оборота, эпитета или образа; это зависитъ отъ вкуса, степени развитія и даже настроенія читателя. Поэтическое находятъ и тамъ, гдѣ нарушена первоначальная гармонія элементовъ стиля, напр., въ скверномъ переводѣ или въ подражаніи великому образцу. Поэтичность, наконецъ, всегда зависитъ отъ произведенія въ его цѣломъ и отъ его содержанія, и прилагать ее ввидѣ критерія къ стилю значитъ смѣшивать понятія формы и содержанія (что, кстати, такъ характерно для Веселовскаго). Для опредѣленія стиля, слѣд., нуженъ иной критерій, болѣе достовѣрный, и, конечно, онъ можетъ быть однимъ только: художественностью. Художественность показываетъ степень искусства, т. е. обращено къ его формальной сторонѣ, и относится къ поэтичности, какъ форма къ содержанію.

Если-же совершить эту замѣну понятій—поэтическаго художественнымъ, и критеріи стиля искать въ степени творческихъ усилій, творческой напряженности ума, въ ее границахъ—формахъ, то сама собою отпадетъ ничѣмъ не оправдываемая тенденція отождествлять поэтической стиль и эпитетъ. Съ точки зрѣнія творческихъ усилій существительное и глаголь (см. выше) б. ч. имѣютъ преобладающее значеніе, и эпитетъ вноситъ только полутоны. Эпитетъ, расширяясь въ метафору—фразу, неминуемо уступаетъ мѣсто глаголу и существительному. Эпитетъ можетъ и не быть, отчего стиль еще не обезцвѣ-

чивается. Иногда глаголы и существительныя не-эпитеты замѣщаютъ эпитетъ въ его роли полутона, но никогда не бываетъ обратнаго.

(Весьма важно было-бы изслѣдовать превращенія элементовъ: Замѣны существительнаго глаголомъ, глагола эпитетомъ, и т. д.)

Веселовскій дѣлитъ эпитеты на двѣ группы: тавтологическіе (въ народной поэзіи) и пояснительные и это дѣленіе еще можно принять, хотя и неясно, въ какомъ отношеніи оно находится къ обычному дѣленію на народныя и искусственныя. Но онъ дѣлаетъ ошибку въ опредѣленіи второй группы эпитетовъ, какъ такихъ, въ основѣ которыхъ лежитъ „одинъ признакъ 1) считающійся существеннымъ въ предметѣ, либо 2) характеризующій его по отношенію къ практической цѣли (?) и идеальному совершенству“. Требованіе существеннаго въ предметѣ находится въ противорѣчьи съ общимъ опредѣленіемъ эпитета выше, гдѣ Веселовскій говоритъ, что роль эпитета—всего лишь подчеркивать характерное: вѣдь мы воспринимаемъ самый предметъ именно со стороны его существенныхъ признаковъ, и упоминаніе о нихъ было-бы лишнимъ, какъ напр., двуногій человѣкъ, крылатая птица, и т. д. Поэтому, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ эпитетъ раскидываетъ случайное и характерное свойство, и только вѣрѣдкихъ (какъ разъ не „пояснительныхъ“, а „тавтологическихъ“) — существенное. Что касается характеристики эпитета „по отношенію къ практической цѣли и идеальному совершенству“, то этотъ критерій не исчерпываетъ всѣхъ видовъ эпитета, т. к. возможны эпитеты, к-ые не будутъ существенными и не подойдутъ подъ это опредѣленіе. Напр.

„Ты помнишь: мечты сонныя,
Какъ въ пристаняхъ Лорена“.

В. Ивановъ.

Этот „синкретическій“ эпитетъ не раскрываетъ ни признака мачтъ, ни практической цѣли или совершенства. Но онъ, во всякомъ случаѣ,—признакъ случайнаго настроенія поэта.

Кромѣ того, формула Веселовскаго имѣетъ два недостатка. Во первыхъ, разбивъ эпитетъ она двѣ группы, Веселовскій упускаетъ моментъ опредѣленія эпитета. Въ самомъ дѣлѣ, что такое эпитетъ? Не признакъ-же и не свойство, такое отождествленіе было-бы грубымъ. Эпитетъ, конечно,—элементъ стилия, и съ этого надо было-бы начать, но такое признаніе противорѣчило-бы другому отождествленію, допущенному Веселовскимъ: эпитета и стилия. Если-же признать эпитетъ однимъ изъ элементовъ стилия, то это будетъ элементъ, заключающій въ себѣ характерный признакъ или свойство предмета. Во вторыхъ, какъ я уже говорилъ формула Веселовскаго страдаетъ отсутствіемъ формальныхъ признаковъ.

Психологичность и произвольность опредѣленій отразились на всемъ изслѣдованіи Веселовскаго объ эпитетѣ въ случайномъ распредѣленіи вниманія. Такъ произошло и съ совершенно новымъ понятіемъ синкретизма. Это—самое значительное изъ его открытій, и все-же оно не есть теорія стилия, какъ принято считать, и какъ невольнo допускалъ самъ Веселовскій. Синкретизмъ (т. е. нераціональное сочетаніе признаковъ, слитныхъ въ нашемъ воспріятіи или сознаніи, напр звука и цвѣта) есть только частное явленіе, стилия, однородное съ метафоричностью. Веселовскій-же распространилъ его, какъ общій законъ, на всякое поэтическое произведеніе, независимо отъ его формы, оставивъ въ сторонѣ вопросъ, возможны-ли синкретическіе эпитеты въ прозѣ, хотя-бы художественной, и не связанъ-ли синкретизмъ съ музыкальнымъ сопровожденіемъ и стихотворнымъ ритмомъ. Мнѣ кажется, что именно такая связь существуетъ и поэтому я не ввелъ въ мой анализъ понятія синкретизма наряду съ метафоричностью. Синкретизмъ—явленіе чисто пси-

хологическое, и не слѣдуетъ забывать, что онъ не можетъ опредѣлять стіля, въ которомъ, кромѣ психологическихъ элементовъ, есть формальные. Но такъ какъ синкретизмъ еще не связанъ съ формальной стороною стіля, то и роль его въ стилистикѣ не выяснена. Это дѣло будущаго.

Точно также случайно выдѣляетъ Веселовскій группу цвѣтовыхъ эпитетовъ, желая прослѣдить ихъ исторію. Между тѣмъ, даже въ тѣхъ эпитетахъ, к-ые приводитъ Веселовскій, большинство не-цвѣтовые. Безусловно, большая часть нашихъ чувственныхъ представленій—зрительныя, но цвѣтовые составляютъ только часть послѣднихъ, и нѣтъ основаній ихъ выдѣлять въ особую группу. Тутъ вліяніе не теоріи литературы, а эстетики, к-ая обыкновенно отправляется отъ живописи, и имѣетъ дѣло съ красками и цвѣтами Веселовскій долженъ былъ-бы выдѣлить въ особую группу зрительные эпитеты, а уже изъ нихъ, если-бы это оказалось существеннымъ—цвѣтовые. То-же самое можно сказать и объ эпитетахъ-дублетахъ и о сложныхъ эпитетахъ. Всѣ они частныя явленія стіля, и будучи собраны, могутъ послужить богатымъ матеріаломъ для будущей теоріи стіля. Веселовскій сознательно стремился къ созданію этого матеріала, к-ый выдѣлилъ-бы изъ себя теорію, и его работы должны служить отправнымъ пунктомъ всѣхъ нашихъ изслѣдованій.

Эту теорію пытаются создать нѣмецкіе стилисты. Но уже въ ихъ традиціонномъ разграниченіи „поэтики“ и „стилистики“ заключается смѣщеніе элементовъ формы и содержанія. Новаго „стилистики“ не вносятъ ничего, кромѣ множества названій греческаго образованія, б. ч. ненужныхъ и устарѣлыхъ. Отправляясь отъ видовъ произведеній, эти стилистики даютъ огромную номенклатуру, не всегда удачно группированную (Becker, Wackernagel, Meyer): У Мейера, напр., я насчиталъ 190 родовъ и видовъ „стіля“, распределенныхъ на 28 главъ. Но можно сказать, что оглавленіемъ его стилистики почти исчерпывается ея значеніе.

Ничего существенно новаго не вноситъ Мейеръ и въ понятіе эпитета. Онъ, конечно, начинается съ опредѣленія понятія. „Эпитетъ есть опредѣлительное прилагательное, к-ое употребляется съ особенной выразительностью. Выразительность достигается двоякимъ образомъ: либо частымъ повтореніемъ, либо замѣной прямого смысла неожиданнымъ и рѣдкимъ“. (46 ст.) Мнѣ уже приходилось говорить, что не одни прилагательныя могутъ быть эпитетомъ, но и глаголь и существительное. Вторая часть опредѣленія неясна: что значить неожиданный смыслъ? Не есть-ли это только частный и рѣдкій случай эпитета? Гдѣ критерій рѣдкости эпитета? Эпитетъ—качество или признакъ, неожиданный посколькy онъ не заключается въ самомъ предметѣ. Но вполне ожидаемымъ и естественнымъ, напр., будетъ такой эпитетъ какъ „туманные луга“, „желтая нива“, etc., хотя это и не тѣ, „частныя“ эпитеты, к-ые можно приравнять къ народнымъ (тавтологическимъ, по Веселовскому). Но въ этомъ опредѣленіи, съ моей точки зрѣнія недостаточномъ, есть одинъ моментъ: эпитетъ долженъ быть особо выразительнымъ. Мейеръ, нѣсколько дальше, пытается развить эту мысль: „эпитетъ есть прилагательное въ его особенной роли. Но не каждое употребленіе значимаго (Eigenschaftswort) слова достаточно для этой цѣли: характеризовать“. Однако, выяснить, какія именно прилагательныя бываютъ эпитетами ему такъ и не удается. Онъ указываетъ только, что „эпитетъ есть прилагательное, которое вступаетъ въ прочное отношеніе съ опредѣленнымъ и индивидуальнымъ существомъ или состояніемъ“. Но и эта формула слишкомъ неопредѣленна, и даже нелѣпа логически, т. к. прилагательное можетъ вступать въ связь со словомъ, а не съ существомъ,—кромѣ того, что мы не знаемъ, какъ опредѣлить степень прочности указаннаго отношенія.

Итакъ, все еще неясно, какія прилагательныя будутъ эпитетами, и въ чемъ ихъ „особенная роль“. Тутъ все дѣло въ

законъ перемѣщенія психологическаго центра Т. обр., одно и то-же слово въ зависимости отъ его положенія среди другихъ, а иногда и отъ личнаго впечатлѣнія, можетъ быть и эпитетомъ и не эпитетомъ. Такъ, въ стихѣ:

„Золотыя звѣзды въ кошелькѣ“ (Мандельштамъ) слово „золотыя“—эпитетъ, потому что служить только признакомъ звѣздъ. Если-же взять слѣд. фразу: „изъ трехъ ключей: золотого, серебрянаго и желѣзнаго онъ выбралъ золотой“,— то прилагательное здѣсь не будетъ эпитетомъ, т. к. оно употреблено не какъ признакъ предмета, и психологическій центръ съ существительнаго („ключей“) перемѣстился на прилагательное (предполагаемый эпитетъ). При опредѣленіи эпитета законъ перемѣщенія психологическаго центра долженъ играть главную роль.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ коментарію.

2.

1. Обыкновеннымъ своимъ увѣщаніямъ. Слѣдуетъ-ли считать „обыкновеннымъ“ за эпитетъ? Вотъ примѣръ несовпаденія эпитета и прилагательнаго. Эпитетъ выражаетъ либо признакъ либо качество предмета, и долженъ опредѣлять внутреннюю связь съ нимъ. М. т., слово „обыкновеннымъ“ говоритъ не о характерѣ увѣщаній, а только о привычкѣ Савельича. Поэтому оно не—эпитетъ; но оно и не глаголь и не существительное и, слѣд., второстепенный элементъ стиля.

2. „Пьяными разбойниками“. Эпитетъ мыслимый т. к. употребленъ здѣсь въ связи, имѣющей постоянный и метафорическій характеръ. Но „боярское дѣло“ и „неровень часъ“ не эпитеты, какъ въ прим. 1. Кромѣ того въ этихъ послѣднихъ выраженіяхъ связь словъ настолько зафиксировалась въ современномъ языкѣ, что они стали, стилистически недѣлимыми, и не входятъ въ число главныхъ элементовъ стиля.

3. „Отвѣчалъ съ довольнымъ видомъ“. Эпитетъ, какъ непосредственно выражающій настроеніе—эмоціальный. Особенность этого эпитета—въ его составѣ. Нельзя считать одно первое слово за эпитетъ, т. к. такой эпитетъ относился-бы къ слову со стертымъ первоначальнымъ смысломъ, второстепенному по значенію: „видомъ“. Очевидно, что „довольнымъ видомъ“—не разъединимое сочетаніе. Эпитетъ (по психологическому закону тяготѣнія сознанія) слѣдуетъ отнести къ слову „отвѣчалъ“. Въ такомъ случаѣ, этотъ эпитетъ состоитъ изъ двухъ словъ.

4. „Длинный вязанный кошелекъ“. Два эпитета къ одному существительному, чувственные, т. к. связаны съ определенно-зрительными представленіями. Далѣе я буду сокращенно отмѣчать характеръ эпитета въ слѣд. порядкѣ: количественную сторону, если она есть, его качество—чувственное, мыслимое или элюціональное, и его характеръ. Въ случаѣ, если нѣсколько однородныхъ эпитетовъ, стоящихъ рядомъ я помѣщу въ одномъ примѣчаніи, то въ концѣ его я поставлю въ скобкахъ число эпитетовъ.

5. „Остальныя возьми себѣ“. Не эпитетъ, какъ въ прим. 1.

6. „Добрый дядька“. Эпитетъ мыслимый.

7. „Каменной стѣной“. Эпитетъ мыслимый, метафорическій, какъ въ прим. 2. То-же „добраго коня“; послѣдній эпитетъ не есть второстепенный элементъ (какъ въ прим. 2), т. к. доброта коня противопоставляется худобѣ Савельичевой клячи (2).

8. „Тошчая, хромя кляча“. Два эпитета къ одному существительному. Чувственные, зрительные (2).

9. „Даромъ отдашь“. Эпитетъ, не прилагательное, съ глаголомъ (но не эпитетъ „городскихъ жителей“). Мыслимый эпитетъ. Тоже „прямая дорога“. Метафорическій (2).

10. Конскіе слѣды“. Не эпитетъ, т. к. логическій центръ падаетъ на первое слово: вѣдь здѣсь конскіе слѣды не сравниваются съ другими. Роль эпитета — дополнять образъ

признакомъ или свойствомъ, но само существованіе его не можетъ опредѣляться присутствіемъ эпитета. Также не эпитетъ: крупной рысью“—технической терминъ, слѣдов. связь понятій постоянная.

11. „Проклятая кляченка“. Мыслимый эпитетъ, метафорическій.

12. „Долгоногимъ бѣсомъ“. Чувственный эпитетъ, зрит.

13. „Барское дитя“—не эпитетъ, какъ въ пр. 10. То-же „Бердскіе огни“, какъ въ прим. 1. „Естественнымъ укрѣпленіямъ“—мыслим. эп.

14. „Жалобныхъ моленій“. Эпит. эмоциональный.

15. „Объѣхать благополучно“. Мысл. эп. съ глаголомъ, не прилагат.

16. „Передовой карауль“. Не эпит., какъ въ пр. 1. Молча проѣхать“. Чувств. эпит., слуховой, не прилаг., съ глаголомъ.

17. „Хромой лошади“. Эпитетъ мысл., т. к. здѣсь хромизна не вызываетъ зрительнаго образа, какъ выше, а объясняетъ запаздываніе Савельича. Слѣд., одно и то-же слово можетъ быть и мыслимымъ и чувственнымъ, въ зависимости отъ его употребленія.

18. „Съ крикомъ бросились“. Чувств. эп., не прилаг., слуховой.

19. „Повели насъ съ торжествомъ“. Эпит. элюіон., не прилаг., съ глаголомъ.

20. „Дожидался долго“. Мыслим. эпит. не прил., съ глаголомъ. „Сальные свѣчи“—не эпитетъ, какъ въ прим. 9.

21. „Золотой бумагой“, „широкій шестокъ“, „красномъ кафтанѣ“, „высокой шапкѣ“—Эпит. чувств., зрит. „Сидѣль, подбочась“—чув. эп., зрит., не прилагат. (5).

22. „Притворнаго подобострастія“. „Сильнаго любопытства“, „поддѣльная важность“, эпит. мысл. (3).

23. „Тщедушный и сгорбленный“, два эп. къ одному существ.; собственно, только второй можно безусловно считать чувственнымъ элементомъ. Но первый эпитетъ въ связи

со вторымъ получаетъ неожиданный зрительный характеръ (2).

24. „Голубой ленты“, „сѣрому армяку“, „густая, рыжая борода“, „сѣрые сверкающіе глаза“, „красноватая пятна“, „рябому, щирокому лицу“—чувств. эп., зрит. (9).

25. „Выраженіе неизъяснимое, мысл. эпит.

26. „Красной рубахѣ“—эп. чув., зрит.

27. „Бѣглый капраль“—не эпитетъ, также, какъ и „ссылный преступникъ“. Эти слова употребляются (и въ томъ-же значеніи) самостоятельно: „бѣглый“, „ссылный“, и слѣд. обозначаютъ не признакъ или свойство предмета, а самъ предметъ, какъ въ пр. 10.

28. „Нечаянно очутился“, „сильно развлекаль“, эпит. мысл., не прилаг. Также „страная мысль“, „старого злодѣя“. (4).

29. „Голубой лентѣ“, чув., зрит., встрѣчается въ томъ-же сочетаніи второй разъ. Конечно, для стилия Пушкина этотъ послѣдній фактъ не имѣетъ значенія, но онъ можетъ быть характеренъ, какъ приѣмъ. Вспомнимъ у Мережковскаго, его анализъ образовъ „Войны и Мира“, гдѣ онъ блестяще доказываетъ, что повтореніе существительнаго съ эпитетомъ есть приѣмъ Толстого, и очень сильный приѣмъ.

30. „Спокойно отвѣчалъ“. Эпит. эмоц., не прилаг., съ глаголомъ.

31. „Пустые слухи“, „проклятый старикъ“—эпит. мысл. метафорическіе (2).

32. „Вольномъ перепуты“, темномъ лѣсу“—эпит. мысл. метафорическіе (2).

34. „Рваныя ноздри“(прѣзвище). Эпитетъ, состоящій изъ двухъ словъ, встрѣчается два раза, чувств., зрит.

35. „Мрачно смотрѣли“—эмоц. эпит., тоже „Съ веселымъ видомъ“. (2).

36. „Благопріятную перемѣну“—мысл. эпит., тоже „молодые казачки“, „страшными товарищами“. (3).

37. „Бѣлой скатертью“—чувств. эпит.

38. „Вчерашніе собесѣдники“—не эпитетъ, какъ въ прим. 10, а простое сокращеніе фразы. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы всякое сокращеніе не могло быть эпитетомъ. „Широкоплечему татарину“—чувств. эп., зрит. „Сильно забилось“—чувств. эп. (2).

39. „Голось, слишкомъ мнѣ знакомый“—мыслим. эпитетъ
Тоже: „неумѣстнымъ намекомъ“ (2).

40. „Гладкой дорогѣ“—мысл. эпит. т. к. свойство дороги здѣсь имѣется ввиду, какъ причина, а не какъ зрительный образъ. „Странному стеченію“, „опрометчивой жесткости“, „кровожадныхъ привычекъ“—мысл. эпит. (4).

40. „Озлобленный Швабринъ“, „довольное самолюбіе“, „съ веселымъ видомъ“ (второй разъ) эпитеты эмоціон. (3).

41. „Сладить трудновато“, — эпитетъ мысл., не прилаг., съ глаголомъ. „Оружіе мое было счастливо“—эпит. мысл., не прил., съ глаголомъ, метафорическій. „Улица моя тѣсновата“—мысл. эпитетъ, не прилаг.; не метафорическій, т. к. метафорична вся фраза—сравненіе своей судьбы съ улицей (3).

42. „Горько усмѣхнулся“. Эмоц. эпит., не прилаг., съ глаголомъ.

43. „Дикимъ вдохновеніемъ“, „староѣ калмычка“, „живую кровь“ (2 раза), „палую лошадь“—мысл. эп. (4).

44. „Посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ“. Эпитетъ эмоціональный, не прилаг., съ глаг. „Унылую пѣсню“, эпит. эмоц. (2).

45. „Гладкому зимнему пути“. „Гладкому“—мысл. эпит., какъ выше. „Зимнему“—не эпит., какъ въ прим. 1.

46. „Крутомъ берегу“—чувств. эпит., зрит.

Теперь можно записать результаты произведеннаго анализа въ видѣ, удобномъ для сренненія съ другими главами или произведеніями:

1)	{	эпоц. 11.	{	зрит. 31. { цвѣт. 10. ост. 21.	
81 эп.		чув. 35.			слух. 2. остальч. 2.
мысл. 35.		{ мет. 10. отвлеч. 25.			

2) Съ глаголомъ эпитетовъ	15
Съ существительнымъ эпитетовъ	66
3) Не прилагательныхъ „	17
Прилагательн. эпитетовъ	64
4) Составныхъ эпитетовъ	3
Простыхъ „	78

Само собою разумѣется, что изъ произведеннаго анализа нельзя извлечь больше, чѣмъ сдѣлано, для пониманія стилия Пушкина. Въ этомъ смыслѣ выводы и обобщенія невозможны, т. к. 1) матеріаль слишкомъ ограниченъ и 2) его не съ чѣмъ сравнивать. Все значеніе моей работы должно опредѣляться: 1) точностью методовъ, приложенныхъ наглядно, на матеріаль 2) подготовкой матеріала для обобщеній и выводовъ, и 3) тѣми общими законами эпитета, к-ые мнѣ удалось установить попутно. Это, прежде всего, законъ перемѣщенія психологическаго центра, дающій ключъ къ пониманію и опредѣленію понятія эпитета. Затѣмъ, возникаетъ вопросъ о сокращеніи фразы, дополняющій предыдущій законъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда фраза сокращается въ прилагательное, это послѣднее не есть эпитетъ,—въ какихъ же именно? Разумѣется, если фраза не была распространенымъ эпитетомъ, т. е. не выражала какого—либо характернаго признака или свойства предмета. Съ другой стороны, чѣмъ ограничить распространенность эпитета? Я отмѣтилъ у Пушкина случаи составныхъ эпитетовъ изъ 2-хъ словъ. Но возможно, что существуютъ и болѣе распространенные эпи-

теты; предѣломъ распространенія можетъ быть только фраза, т. к. въ ней эпитетъ сталкивается съ другими однородными элементами стиля: глаголомъ и существительнымъ. Далѣе, изъ приведеннаго комментарія можно сдѣлать заключенія о связи эпитета съ глаголомъ. Я не отметилъ ни одного эпитетавъ формъ—прилагательнаго къ глаголу, и, повидимому, это-законъ. Однако, отсюда не слѣдуетъ, что съ глаголомъ бываютъ только эпитеты—нарѣчія или эпитеты—причастія: возможенъ также эпитетъ существительное. Также, это не значитъ, что къ существительнымъ бываетъ только эпитетъ—прилагательное.

Наконецъ, я отмѣтилъ, и кажется впервые, особый родъ метафоръ—клише или ходячихъ метафоръ, к-ья представляютъ недостатокъ стиля, т. к. претендуя на роль элементовъ стиля, онѣ, вслѣдствіе слитности понятій, ихъ образующихъ, не имѣютъ этого значенія, и являются, т. обр., балластомъ. Но надо имѣть ввиду, что для старыхъ авторовъ степень стертости ихъ метафоръ должна провѣряться сравненіемъ т. к. возможно, что именно черезъ этихъ писателей опредѣленная метафора получила распространеніе.

Что касается качественного анализа, то я не пользовался имъ въ этой работѣ, т. к. онъ имѣетъ значеніе при слѣдующей ступни анализа стиля, т. е. при сравненіи стилей различныхъ авторовъ.

М. Лопатто.
